

Военная сфера в контексте трансформации войны

В. А. Ксенофонов,

кандидат философских наук, доцент,
Военная академия Республики Беларусь

Военное насилие было и остается важнейшим фактором мировой истории. Основное внимание обществ и правящих классов было сосредоточено на достижении такой военной мощи, которая бы позволила противостоять существующим и будущим угрозам, воспринимавшимся прежде всего в категориях военной силы. Функции государственного деятеля и военачальника чаще всего совмещались в одном лице.

В современных условиях при существенном возрастании значимости безопасного развития в таких областях, как экономика, экология, культура и т. д., военная сфера национальной безопасности по-прежнему воспринимается как первостепенная. Это обусловлено тем, что в военной области, в отличие от других областей, угрозы имеют «жесткий» характер, приоритетное значение, поскольку речь идет о прямой и непосредственной угрозе высшей ценности – жизни человека и жизнедеятельности страны [1, с. 10].

Именно для сохранения и развития личности, общества и самого государства формируется и функционирует военная сфера национальной безопасности, выполняющая важнейшую роль по обеспечению безопасного развития в военном отношении всей социальной системы. Создаваемые военной сферой национальной безопасности условия для развития государства, социума и отдельной личности именуется военной безопасностью. В соответствии с Военной доктриной под военной безопасностью понимается «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз» [2, ст. 4].

К военной безопасности в самом широком смысле можно отнести сферу взаимодействия различных субъектов социума, основным признаком которой является фактическое применение или вероятность применения военной силы. Эта сфера определяется угрозами и средствами противодействия им, которые находятся в компетенции сил обеспечения национальной безопасности, определенных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [3, ст. 60]. Сюда же можно отнести деятельность дипломатической структуры в той части ее деятельности, которая касается военной проблематики в отношениях с другими странами. Материальное обеспечение сил и средств военной безопасности осуществляется военно-промышленным комплексом государства, а также другими структурами его экономики.

Исторически подавляющая часть деятельности в сфере военной безопасности приходилась на долю государств. Государство располагает самым высоким потенциалом и легитимной правомочностью применения военного насилия. На нем лежит и основная ответственность за защиту от угроз ключевым ценностям – жизни граждан, территориальной целостности и конституционному строю.

В современных условиях к использованию военной силы прибегают и негосударственные действующие лица – криминальные элементы, повстанцы, сепаратисты, боевики, террористы и др. Но в подавляющем большинстве военного противостояния одним из действующих лиц выступает государство. Увеличение числа участников, способных прибегнуть к военному насилию, значительно осложняет деятельность государства по обеспечению его военной безопасности.

Сфера военной безопасности включает в себя весь комплекс применения военной силы и подготовки к этому: военное строительство, строительство вооруженных сил, совершенствование имеющихся и создание новых средств вооруженной борьбы, стратегия и тактика применения вооруженных сил, система военного образования и т. д. В теоретическом плане данная область является предметом изучения, системой знаний, которая определяется как военная наука. Это весьма сложная и специфическая сфера, требующая углубленных специализированных знаний и навыков, направленная на сущностное объяснение явлений военного дела и обеспечение военной безопасности государства.

Одновременно военная сфера национальной безопасности является неразрывной частью более широкой области жизнедеятельности государств и мирового сообщества, включающей политическую, экономическую, духовную, социальную, идеологическую и ряд других областей. Можно говорить, что военная сфера представляет собой своеобразный синтез разных видов деятельности социальных субъектов, направленной на достижение военной безопасности. Интегрируя в себе различные потенциалы государства, она является инструментом его политики.

Еще в XIX в. прусский военный теоретик К. Клаузевиц в своем трактате «О войне» выдвинул и обосновал

принципиальное положение о том, что война является продолжением политики другими средствами с целью навязать противнику свою политическую волю [4]. Следовательно, военная сфера «встроена» во внутривнутриполитическую и внешнеполитическую стратегии государства, а сама война вторична по отношению к политике. В этой связи значимым является понимание ключевого противоречия (борьбы противоположностей) между военным насилием и защитой от него. Разрешение данного противоречия и определяет сущностное содержание военной сферы национальной безопасности, тенденции и перспективы ее развития. Именно эти противоположности (насилие – защита) постоянно анализируются государственным руководством и специализированными структурами государства, что позволяет на научной основе формировать военную сферу.

Облик военной сферы определяется проводимой политикой, а ее количественно-качественные параметры – политическим руководством государства. Такая логика свидетельствует о демократическом жизнеустройстве и гражданском контроле политической власти над военными. По этой причине главнокомандующими национальных вооруженных сил являются гражданские политические деятели.

Безусловно, лучшими специалистами по применению военной силы при решении политических задач являются военные, которые, рискуя собственной жизнью, обеспечивают достижение военной безопасности в зоне своей ответственности. Состояние защищенности национальных интересов от военных угроз достигается комплексными усилиями государственных и общественных структур, а непосредственное применение военной силы возлагается на военных профессионалов. Таким образом, военная сфера национальной безопасности является военно-политическим феноменом.

Для непосредственного управления данной сферой деятельности в государстве осуществляется военная политика [5] – «деятельность государства, направленная на подготовку сил и средств его военной организации, определение порядка и способов их применения для обеспечения военной безопасности, в том числе для предотвращения военных конфликтов и обороны Республики Беларусь» [2, ст. 4].

Руководствуясь диалектическим подходом, для отражения возможной военной агрессии, предотвращения военного насилия, а тем более ведения современной войны важно понимать философию насилия, уяснить содержание войны, ее характерные черты, технологии и способы ведения [6–11]. Без такого научного осмысления невозможно управлять военной сферой национальной безопасности.

Сегодня в военно-философской литературе все чаще оперируют термином «новая война». При анализе теории новых войн, разработанной конфликтологом М. Калдор, Г. Мюнклер останавливается на трех ключевых признаках новых войн:

1. Постепенная приватизация войны, которая приводит к тому, что государства утрачивают свою монополию на войну.

2. Появление непреодолимых военных асимметрий и, как следствие, антисимметризация военного насилия за счет менее боеспособных участников.

3. Демилитаризация войны, под которой подразумевается, что регулярные вооруженные силы утрачивают свою монополию на ведение войны.

В теории новых войн исходят из того, что три названных признака тесно связаны между собой. Такой синтез и порождает принципиально новый вид войн [9, с. 195]. Г. Мюнклер вслед за К. Клаузевицем, считавшим войну «истинным хамелеоном», пишет: «В этом смысле разгосударствление войны или приватизация войны являются формами ее адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды, а конкретно к снижению созидательной мощи государств и глобализации экономики. На место войны с использованием регулярных армий, стремящихся поразить друг друга, сломить политическую волю противника и принудить его к капитуляции, пришло диффузное взаимодействие различных вооруженных групп, от сил интервенции, обладающих мандатом международных организаций, до местных полевых командиров и глобальных поставщиков военных услуг. Принципиальная для определения порядка войны граница, разделяющая государственную и гражданскую войны, то есть межгосударственный конфликт и внутрисоциальное насилие, стерлась: оба типа войны смешались друг с другом» [9, с. 201].

Российский ученый, специалист по философии войны А. Д. Куманьков, проанализировав труды современных зарубежных авторов М. Калдор, Г. Мюнклера и М. ван Кревельда, выделил наиболее значимые характеристики новых войн:

- асимметрия (потеря государством исключительного права на применение силы);
- низкая интенсивность;
- глобализованность войны;
- политика идентичности как основание войны;
- применение террора как политического средства, т. е. для установления власти;
- «хищнические» методы финансирования;
- уменьшение боевых потерь (при этом высокий уровень потерь среди гражданских лиц);
- увеличение продолжительности войны и долгосрочное сохранение причин, провоцирующих рецидивы войны;
- территориальная близость к другим войнам как фактор риска;
- утрата ограничений войны, основанных на праве, обычае и военной этике [11, с. 87].

Получается определенная модель описания новой войны.

Рассмотрим указанные характеристики подробнее. *Асимметрия.* Классическая война была в основном симметричной. Государство воевало с другим государством, признавая его по статусу равным. Государства могли быть разными по экономическому, военному, демографическому и другим потенциалам, степени готовности к военным действиям. Симметрия

подразумевают однотипность участников военно-политических отношений. «Симметрия, характерная для старой войны, усиливалась и тем, что война велась при помощи регулярной армии. Безусловно, имели место партизанские и повстанческие движения. Но насильственная функция в это время однозначно закрепляется за государством, которое может реализовать ее при помощи армии или полиции» [11, с. 89].

Для новых войн характерно то, что наиболее активным их участником становится не государство, а негосударственные субъекты: партизаны, повстанцы, террористы, кланы, а также частные военные компании и разведывательные агентства. Они оспаривают монополию государства на ведение войны, представляя одну из воюющих сторон или даже иницируя эскалацию вооруженных конфликтов. Как отмечает А. Д. Куманьков, «если политика становится все более партизанской, то партизанской станет и война» [11, с. 90]. Асимметрия сил породила и асимметрию войны. Она проявляет себя и в том, что новые войны чаще всего ведутся против гражданского населения. Происходит перенастройка отношений в триаде К. Клаузевица «правительство – армия – народ» [11, с. 95]. Асимметричная война представляет собой один из отличительных признаков новых войн, но не единственный. По сути асимметричные военные действия – основная форма иррегулярной войны, которая противопоставляется войне регулярной, межгосударственной, конвенциональной [11, с. 97]. Она ведется не по классическим канонам войны, ни одна из сторон не чувствует себя обязанной соблюдать нормы права, это касается и этических аспектов ограничения войны.

Низкая интенсивность. Вместо хорошо известных нам сценариев Второй мировой войны с наличием фронтов, многомиллионных армий, противостоящих друг другу, продолжительных осад городов, многодневных форсирований рек и т. д. сегодня в конфликтах мы наблюдаем бандитские вылазки и рейды войск специального назначения, а вместо стратегических бомбардировок – акции террористов-смертников [11, с. 98]. «Стратегическая цель овладения как можно большей территорией противника или хотя бы наиболее ценными ее частями заменяется стремлением установить идеологический, политический контроль над населением» [11, с. 99].

М. ван Кревельд в конфликте низкой интенсивности выделяет важные характеристики:

- они происходят в «менее развитых частях» мира;
- чаще всего они представляют собой столкновение регулярной армии с нерегулярными частями;
- основным видом вооружения являются не высокотехнологичные средства борьбы, а самые простые виды оружия [11, с. 99].

Такой конфликт обладает высокой степенью политизированности. Важной задачей в таком конфликте становится подавление воли противника к ведению борьбы или, наоборот, распространение идеологии войны, способствующей эскалации конфликта. Существенную часть войны составляет борьба за «умы

и сердца» противника [11, с. 100]. Характерно, что в такой войне как минимум один из участников – негосударственный субъект, использующий тактику герильи. Применение военной силы государством представляет собой уже не военную кампанию, а операции по восстановлению правопорядка или принуждения к миру. Для войск ставятся задачи, скорее характерные для полицейских подразделений. Таким образом, в этих конфликтах теряется для государства разделение внешней и внутренней политики, предполагающей использование армии для решения конфликтов с другими государствами и полиции для поддержания порядка среди собственных граждан [11, с. 102].

Глобализованность войны. Участие внешних сил в эскалации локального конфликта и влияние локального конфликта на региональную или даже мировую политику могут наличествовать одновременно. В первом случае могут быть самые разнообразные сценарии. Как свидетельствует опыт холодной войны, междуусобица в каком-либо из государств третьего мира становилась площадкой для столкновения крупных держав (США – СССР). Сегодня это явление получило название опосредованных войн, или прокси-войн.

Появление опосредованных войн – одна из примет состояния международных отношений, когда открытое военное противостояние невыгодно или невозможно [11, с. 103]. В таком конфликте могут участвовать негосударственные субъекты (наемники, частные военные контрактники, добровольцы), поддерживающие представителей своего этноса или религии.

Локальные конфликты оказывают влияние на мировую политику по целому ряду направлений:

- участие в урегулировании международных учреждений и организаций;
- разрушение городов и инфраструктурных объектов;
- влияние на экономические, социальные, демографические процессы, протекающие в регионе.

Таким образом, локальная война или конфликт низкой интенсивности оказывают влияние на политические процессы во всем мире, притягивая к себе внимание, силы и ресурсы местных политических и глобальных игроков.

Политика идентичности как основание войны. Новые войны «провоцируются политикой идентичности, занявшей в малых конфликтах место идеологии или геополитики и приводящей к экстремизму и серьезной радикализации насилия» [11, с. 106]. Может быть идентичность, основанная на этнических, религиозных, социальных особенностях. Разделение по принципу идентичности становится основанием для претензии на государственную власть, которую при необходимости приходится получать с оружием в руках.

Принципиальным является ностальгическое переживание собственной истории и героизация прошлого [11, с. 107]. Исключительная идентичность провоцирует войну, но она также и укрепляется в ходе нее, как это было в конфликтах в Югославии и на территории бывшего СССР [11, с. 108]. Как отмечает А. Д. Куманьков, «сторона, идентифицирующая своего противника

как воплощенное зло, встает на путь тотальной вражды и гуманитарных преступлений» [11, с. 109].

Применение террора. Естественным воплощением политики идентичности в военном конфликте становится применение террора и насилия как политического средства. Они используются для установления политической власти. Отношение со стороны государства к иррегулярному субъекту будет крайне жестоким, а методы борьбы с ним бескомпромиссными. У иррегулярных субъектов изначально нет границ. Они выступают в качестве силы, действующей в границах какого-либо суверенного политического субъекта, нарушая их и по определению становясь государственными преступниками, подрывающими конституционные основы данного государства.

В асимметричном конфликте государству обычно противостоит множество слабо связанных между собой групп: повстанческие отряды, террористические группы, криминальные банды, подразделения самообороны, народной милиции и т. д. Конфликт не может решаться за столом переговоров. Асимметричного врага не признают как политически равного, но борьбу с ним ведут. «Террорист, повстанец или партизан нуждается во враге как конституирующей основе своего существования. Но их отношение к врагу в иррегулярном конфликте означает войну на уничтожение и не предполагает иных решений» [11, с. 111]. Погасить такую борьбу военными мерами сложно, поскольку ее причины выходят за границы военно-политической сферы.

«Хищнические» методы финансирования. Ключевой мотив войны кроется в экономической сфере. Война является не только продолжением политики, но и экономики, в которой кроме государства участвует масса субъектов. Участие в военных действиях открывает этим субъектам доступ к ресурсам, обеспечивающим их существование. Экономика новых войн так же асимметрична, как и политическая составляющая. Население может грабиться или ставиться под финансовый контроль иррегулярными группами, лишеными на то легитимного права. В этом, по мнению М. Калдор, проявляется «хищническая» экономика, когда ресурсы добываются при помощи насилия или принуждения.

Современная война предоставляет самые разнообразные возможности для заработка, что делает ее сверхвыгодным делом. Мотивом к ведению насилия выступает стремление обладать ресурсами. В современных войнах необходимо удовлетворить экономические потребности всех участников конфликта или нанести им ощутимое военное поражение, чтобы прекратить их волю к вооруженной борьбе [11, с. 114].

Уменьшение боевых потерь. В прошлом существенные потери были среди военнослужащих в войнах с участием государств. С 1945 г. наблюдается тренд на снижение такого показателя. При этом устойчивой особенностью современных войн является их направленность против гражданских лиц. В условиях преобладания внутренних, иррегулярных войн над

межгосударственными гражданские лица являются не случайными жертвами иррегулярных сил, а их главной целью [11, с. 115]. В крупных военных конфликтах последних десятилетий (Ирак, Афганистан, Сирия) соотношение потерь среди гражданских и военных составляет примерно один к одному [11, с. 116]. В асимметричных конфликтах гражданское население истребляется с не меньшей жестокостью. Насильственные акции против гражданского населения приводят к последствиям, способным менять ситуацию в регионе или носить глобальный характер.

Увеличение продолжительности войны и опасность ее рецидива. При смене межгосударственной войны на конфликты низкой интенсивности война не становится скоротечной. Она приобретает вязкий характер и может продолжаться долго. Сторон в новой войне может быть слишком много, а статус их недостаточно высокий для того, чтобы они воспринимались в качестве участников переговорного процесса. Участники конфликта могут быть заинтересованы в войне, поскольку она решает их социальные и экономические проблемы. Стороны могут быть неспособны к нанесению военного поражения друг другу. Продолжительности конфликта может способствовать состав общества, состоящего из нескольких этнических групп, и наличие удобной для военных действий местности. Негосударственные субъекты инициируют конфликт в наиболее удобный момент для себя или при наличии финансовой возможности и военного обеспечения, а не с учетом стратегического планирования.

Существенное затруднение представляет собой эксплуатация политики идентичности в военных целях. Фактором риска является соседство с регионом, в котором ведется война. В таких условиях завершение конфликта может превратиться в затянувшийся процесс установления мира. Он может продолжаться месяцы, даже годы и десятилетия. А успех может быть связан с экономическими обстоятельствами, нежели политическими и военными. Война может быть закончена, когда все участники и заинтересованные экономические структуры придут к выводу, что в долгосрочной перспективе выгоднее мирное положение, а не война [11, с. 121].

Утрата нравственных и правовых ограничений войны. Исходя из смешанного состава участников военных конфликтов, активного включения в них негосударственных военизированных групп, стремление сторон соблюдать законы и моральные нормы войны, практическое соблюдение этих норм становится крайне затруднительным. Норма или закон могут восприниматься как ограничение, ослабляющий фактор, поэтому комбатанты без развитой военной культуры могут видеть в них ненужное обременение и отказаться от их соблюдения. Они не обучаются нормам военной этики. Это один из значимых факторов масштаба жертв среди гражданского населения [11, с. 123].

Приведенные характеристики новых войн позволяют получить представление о современной трансформации войны и ее доминирующем типе в XXI в.

Как отмечает Г. Мюнклер, «эра классических межгосударственных войн прошла. Однако история войны еще не закончена» [9, с. 211]. Следует обратить внимание на подробный анализ сущности, характера и особенностей войны будущего, который представлен в труде И. М. Попова, М. М. Хамзатова [7].

Рассмотренные в статье проблемы позволяют заключить, что война не ушла в небытие человеческой истории. Она продолжает трансформироваться исходя из технологических новаций и современных способов контроля над пространством. Для защиты интересов личности, общества и государства жизненно необходима военная сфера национальной безопасности, призванная обеспечить комплексные безопасные в военном отношении условия для развития социальной системы.

С военно-прогностической точки зрения в Военной доктрине Республики Беларусь основные особенности современных военных конфликтов учтены, они уже положены в практику подготовки Вооруженных Сил. Но так как современная война касается всей социальной системы и каждой личности, то стоит вносить определенные коррективы в системы воспитания и образования. Это касается необходимости формирования понимания у всех граждан страны не только опасности возможного военного конфликта, но и получения современных знаний о путях предотвращения военного насилия, а также формирования необходимых компетенций в случае гипотетического участия в нем. И это не милитаризация общественного сознания, а формирование идеологии обеспечения военной безопасности.

Если фундаментальный принцип подготовки военных специалистов гласит: «учить войска тому, что необходимо на войне», то в условиях тотальности войны он может быть дополнен императивом к обществу: «изучай технологии современной войны, не допускай ее развязывания». Речь идет о формировании личной ответственности и причастности каждого индивидуума к проблемам обеспечения национальной безопасности в военной сфере независимо от социального статуса.

Безусловно, основным инструментом достижения целей военной безопасности остается военная организация государства. Но ее активное использование сви-

детельствует о том, что невоенные методы и средства не достигли результата по предотвращению военного насилия. Для исключения военного насилия из социального бытия человечества необходимо трансформировать международную и внутреннюю политику целого ряда геополитических субъектов, приверженных к насильственному разрешению возникающих противоречий. Эта цель нами в обозримом будущем недостижима, поэтому научно обоснованное функционирование военной сферы национальной безопасности – важнейшее условие развития государства.

Список использованных источников

1. Международная безопасность: учеб. пособие для студентов вузов / В. М. Кулагин. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 319 с.
2. Военная доктрина Республики Беларусь: утв. Законом Респ. Беларусь 20.07.2016 г. № 412-3.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. – Минск: Белорус. Дом печати, 2011. – 48 с.
4. *Ксенофонтов, В. А.* Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны / В. А. Ксенофонтов // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. – 2020. – № 2. – С. 104–110.
5. *Ксенофонтов В. А.* Военная политика в системе государственного управления / В. А. Ксенофонтов // Сборник научных статей Военной академии Республики Беларусь № 32. – Минск: ВА РБ, 2017. – С. 80–92.
6. *Сидоренко, И. Н.* Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
7. *Попов, И. М.* Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли / И. М. Попов, М. М. Хамзатов. – М.: Кучково поле, 2016. – 832 с.
8. Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке: моногр. / А. И. Горячев [и др.]. – М.: ВУ, 2018. – 256 с.
9. *Мюнклер, Г.* Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер; пер. с нем. А. И. Лоскутовой. – М.: Кучково поле, 2018. – 384 с.
10. *Куманьков, А. Д.* Война, или В плену насилия / А. Д. Куманьков. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2019. – 164 с.
11. *Куманьков, А. Д.* Война в XXI веке / А. Д. Куманьков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. – 299 с.

Аннотация

В статье показано, что в условиях сохранения войны как формы бытия человечества военная сфера национальной безопасности является жизненно необходимой. Она обеспечивает безопасные в военном отношении условия для развития всей социальной системы. Для ее совершенствования необходим постоянный анализ диалектики военного насилия и защиты социума от него. Раскрыты основные черты новых войн. Исходя из тотальности современной войны, необходима коррекция системы воспитания и образования, направленная на формирование личной ответственности граждан за национальную безопасность государства.

Abstract

The article shows that in the conditions of the preservation of war as a form of human existence, the military sphere of national security is vital. It provides militarily secure environment for the development of the entire social system. In the interests of its improvement, a constant analysis of the dialectic of military violence and the protection of society from it is necessary. The main features of new wars are revealed. Based on the totality of modern war, it is necessary to correct the system of upbringing and education, aimed at forming personal responsibility of the citizens for the national security of the state.